

Пожар и грабежи в Москве

Мысль, что может не оказаться жизненных припасов, приводила в содрогание солдат и вынуждала их прекратить отдых, которым они только что начали пользоваться.

Французские бюллетени того времени говорят о царившем в Москве изобилии, доходившем, по их словам, до того, что армия свободно могла провести в этом городе всю зиму. Действительно, некоторых предметов потребления было много, например: сахару, кофе, соленой рыбы, разного сорта варений. Но в то же время муку достать было очень трудно, а говядины и вовсе не было. Раздача провизии солдатам нередко прекращалась в течение 2—3 дней; иногда мясо и хлеб заменялись сушеными овощами.

Правда, сахару было так много, что солдаты клали его даже в суп и главный штаб лакомился донским вином, выморозками и цымлянским, которое приняли сперва за шампанское. В то самое время, как говорили об изобилии припасов, авангард уже питался кониной. Для прокормления великой армии думали воспользоваться обозными быками, так как некоторые из них дошли до Москвы. Но долгий путь и дурное обращение с ними дорогой сделали их мясо негодным в пищу, и доктора запретили есть его, как вредное для здоровья. Жители Москвы, наконец, дождались окончания пожара, но положение их оставалось очень тяжелым. Вместе с солдатами они бродили среди пожарища, вокруг дымящихся развалин, ожидая, пока они настолько остынут, чтобы можно было поискать — не осталось ли среди них каких-нибудь пищевых продуктов. Их худоба, бледность, слабость, медленность их походки свидетельствовали о сильной нужде. Они выгребали из пепла полуобгоревшие зерна, наполовину сгоревшую муку; они ныряли в Москву-реку на местах, где были потоплены барки, и вылавливали полусгоревший хлеб, издававший отвратительный запах. Несчастные умирали с голоду и проклинали французскую армию, бывшую причиной их бедствий.

Грабеж был разрешен, когда пламя пожара охватило город. Тогда различные корпуса армии покинули свой лагерь и направились грабить город. Потом они

устроили при своих корпусах склад разных товаров, где очень дешево можно было получать всякие продукты. Когда огонь охватил магазины, стали вытаскивать разные товары, которые потом сложили в одно место, чтобы отложить пригодное для госпиталей, но солдаты скоро нарушили приказ, и товары были растащены. Высшие офицеры заставляли служащих стеречь то, что пришлось им по вкусу; появились кареты, на которых мелом были написаны имена их новых владельцев.

Жители, прятавшиеся по кладбищам и окрестным лесам, увидели, что нечего бояться свирепости солдат, и многие из них вернулись в Москву. Одни из них старались отыскать свои дома и находили одни развалины, другие искали убежища в церквях, которые находили оскверненными, ограбленными или превращенными в конюшни. Иные из нескольких бревен и листов железа устраивали себе хижины, скорее похожие на логова животных, чем на человеческие жилища. У многих семей не было иного жилища, кроме сырого подвала; и в то время", как они стерегли его от алчности грабителей, кто-нибудь из них отправлялся на поиски пищи; приносили соленую рыбу, картофель, капусту, а то и ничего не находили. Одну русскую семью, состоящую из 5 человек, я кормил, выдавая ей ежедневно 2 порции. Вот какое изобилие царило в Москве! Я видел возвращение в Москву одного глубокого старика с большой белой бородой, пережившего, вероятно, не одно поколение. От старости он не мог идти, и несколько человек везли его в экипаже.

При виде развалин, в которые был обращен его родной город, глаза его наполнились слезами. Несколько сотен мужчин, женщин и детей следовало за ним...

Среди анархии и беспорядка страсти вырождаются в преступления или же становятся добродетелью.

Во время московских грабежей один солдат разыскал подвал, в котором укрылось одно французское семейство. Он бросился к ним обрадованный добычей и, не желая пощадить несчастных соотечественников, стал отбивать у них все их имущество. У жены было обручальное кольцо, она просила его на коленях оставить ей этот дорогой ей залог верности, но грабитель сурово отказал ей, грозя отрубить ей палец, если кольцо не будет немедленно ему отдано.

К счастью, наряду с таким жестоким поступком я мог привести и поступок благородный. Один французский солдат натолкнулся на кладбище на одну спрятавшуюся там женщину из простонародья, только что разрешившуюся от бремени. Оставленная без помощи, без пищи, она несомненно бы погибла. Но великодушный солдат, тронутый ее положением, принес ей еды и несколько дней кормил ее.

В эти дни скорби и резни человеческая жизнь ценилась ничем. При арестах лиц, которых считали поджигателями, приговор произносился немедленно, и многие несчастные стали жертвой ярости солдат, так как, не имея возможности дать себя выслушать, они не могли оправдаться. У заподозренных, например, смотрели руки, искали на них следов от поджигательных фитилей. Один наш человек, прятавшийся в подвале, вышел из него, чтобы отыскать себе пищи как

раз в момент начавшегося пожара.

Его заметил один гуманный офицер, обласкал и дал понять, что будет ему покровительствовать. Но офицер этот спешил доставить один нужный приказ и не мог долго оставаться с несчастным. Встретив другого офицера, он, передавая ему еще дрожавшего бедняка, сказал: «Поручаю его вам сударь». Он, думал, что этих слов будет достаточно для спасения человека, и против своего желания произнес над последним смертный приговор. Офицер, которому было дано такое поручение, возбужденный страшными сценами, его окружавшими, ожесточенный против поджигателей, многих из которых он уже казнил, получив человека, найденного среди дымящихся развалин и услышав слово «поручаю», сказанное, быть может, несколько суровым тоном, решил, что это преступник, и велел его расстрелять.

Один военный встретил даму из французской колонии, бежавшую от грубости солдат. На изысканном языке хорошо воспитанного человека он предложил ей проводить ее и понести ее шубу, чтобы ей было легче идти. Из вежливости она отказалась. Он стал настаивать. Она, наконец, согласилась и передала ему меха — свое единственное имущество, спасенное от пожара. Он унес ее шубу, смеясь над ее легковерием и доверчивостью.

Некто Р., очень богатый купец и отец многочисленного семейства, лишился всего имущества за исключением портфеля, в котором хранилось 5000 рублей. Едва он вышел из своего охваченного пламенем дома, как ему встретился солдат, принявший его за эмигранта-француза, и отнял у него портфель, который, вероятно, спустил за пустяки.

Сен-Р., начальник эскадрона, подвергся ограблению со стороны собственных солдат, и они сняли бы с него последние сапоги, если бы он, показав свой форменный жилет, не доказал им, что принадлежит к французской армии. Все эти факты я привел для того, чтобы показать, как разыгрываются страсти во время грабежей, и вовсе не желая внушать дурного мнения о французских солдатах. Напротив, в защиту французским солдатам можно сказать, что грабить Москву они начали лишь тогда, когда получили на это разрешение. В общем, они оказались более дисциплинированными, чем союзники.

Наполеон принялся за организацию Москвы, как будто намереваясь провести здесь зиму.

Французскую колонию, оставшуюся без средств, поместили в здание медицинской школы. Затем членам ее предложили места по военной части, по управлению провинцией. Многие из них в надежде получить пропитание и оказать помощь несчастным жителям Москвы, которая всегда была для них гостеприимным городом, заняли места муниципальных служащих, чем навлекли на себя злобу со стороны русских властей. Перевязь на руке служила знаком их служебного положения.

Одного интенданта Наполеон назначил губернатором Москвы и губернии, хотя губерния эта не простиралась дальше застав, причем казаки все суживали и суживали эти пределы, захватывая фуражиров и отдельных военных.

Пришлось отправлять фуражиров под конвоем.

Прокламации призывали жителей вернуться в Москву, а крестьянам, которые

бы захотели привести на продажу свои товары, обещалась полная безопасность. Некоторые из них, соблазняясь выгодой, привезли зерно, но были ограблены караульными на заставах.

Укрепили «острог» (тюрьму, окруженную стенами и башнями) и устроили в нем склады.

Распространился слух о приведении Кремля в осадное положение, так как часть армии должна была провести в нем зиму. В подтверждение слуха, что французы, будучи расквартированы в Москве, назначили торги на освещение улиц, которые не были окончательно разрушены.

Делаво